

Является ли безопасность экономической категорией?

Множество категорий как круг основных понятий, из которых мы исходим и с которыми оперируем, чтобы иметь возможность моделировать, выражать и описывать познannую реальность как результат нашего актуального состояния познания, должно быть множеством открытым. Речь идет совсем не о том, чтобы в противоречии с бритвой Оккама «частности были умножаемы», а о том, чтобы на каждом уровне описания реальности удалось найти оптимальное исходное множество основных понятий, при помощи которых это описание с наибольшей точностью приблизилось бы к актуально познannой реальности.

Ключевой вопрос рассматриваемой темы звучит так: Какие изменилась наша реальность и ее познание, поскольку все более очевидным становится то, что современная структура экономических категорий является не только неполной, но и неспособной уловить и достоверно описать то, что происходит в нашей экономической среде? Все более очевидным становится то, что в действующих парадигмах, которые все больше превращаются в догмы, мы вынуждены изгибать наблюдаемую реальность вплоть до появления трещины, пока нам удастся буквально втиснуть ее в их рамки.

Появляются также и другие вопросы: Как основать новую экономическую парадигму, новый образ экономических действий, которые дистанцируются от рыночного и от планового фундаментализма? Является ли концептуальная суть экономии, основанной, кроме прочего, также на безопасности, достаточно прочной и способной быть краеугольным камнем экономической науки, если она не будет происходить лишь от рынка? Не является ли такая попытка также тщетной, как основание экономики и экономической теории на детальном государственном плане?!? Можно ли превратить безопасность в квантор, сделать ее составной частью экономических моделей, а затем также, оснастив инструментами, выводить из нее руководство или даже принципы действий экономических субъектов, главным образом человека, как их основного строительного камня? Если да, то в XXI столетии вдвойне актуальным и буквально жизненно важным являются исследования в области определения понятия «безопасность» и значения безопасности в экономической науке, а также поиск ответов на эти и другие вопросы.

Важным изменением в восприятии реальности нашей среды является постепенное распространение представления о ее дискретности, нелинейности, хаотичности и неоднозначности. Это проявляется как неуверенность по отношению к будущему и вытекающим из нее ощущением необеспеченности и опасности. Иначе сказано, речь идет о том, что в абсолютном противоречии с нашим убеждением, существующим всего несколько десятилетий, сегодня мы сможем признать, что наша среда является, прежде всего, «жидкой». Но если она действительно «твердая» и ее поведение соответствует старой парадигме, то речь идет или о абсолютно новом случае, или о

полностью искусственно созданной среде. Таковую среду можно чаще всего успешно создать и использовать, прежде всего, в технических науках и их применениях. Заклинанием прочной экономической парадигмы стало 5К: континуум, консистенция, когерентность, константность и контроль. Эта парадигма позволяет, естественно, не только поставить структуру над содержанием, цели и продукты над процессом, но прежде всего, позволяет укрепить образ автономии и независимости экономики среди остальных социальных систем, укрепить образ автономной и независимой среды с собственными неприкосновенными правилами, которые перерастают в догмы. Экономика как предмет экономической науки в течение уже фактически трех столетий преподносится в рамках современной определенной экономической парадигмы как автономная (социальная, культурная) система. Краеугольным камнем и одновременно гегемоном этой автономии является рынок и его мнимая способность к саморегулированию. Символическим выражением этой способности к саморегулированию является «невидимая рука рынка». Экономика в рамках этой парадигмы преподносится как продолжение естественной эволюции. Снова подчеркивается ее автономность, которая дана свободной игрой сил, их конкуренцией, распределением рисков и последующим отбором. Все это преподносится как высший принцип, порядок, на параметры которого человек не может повлиять, и которыми он наоборот детерминирован.

Этот основной постулат современной экономии об автономии рынка, который зиждется на существовании невидимой руки как его всемогущего управляющего механизма, является в действительности большой иллюзией. Прежде всего, потому, что существенная часть экономической деятельности так же как ее ключевые источники находятся вне рынка. Точно так же верно то, что рынок не появляется сам из себя, не является сам своим творцом. В основе рынка всегда лежат правила, которые также происходят вне рынка. И лишь рыночная идеология находит свой источник и происхождение рынка в нем самом и представляет его как всемогущий *perpetuum mobile*, перед которым должна склонить голову безопасность отдельных людей, целых народов, а затем и всей природы. Экономия в этом смысле оправдывает появление огромного неравновесия в экономике тем, что речь идет, собственно, о проявлении законов природы, против которых невозможно воспротивиться. Опустошающее воздействие рыночных механизмов современная экономия возвела в высший принцип, в закон, и тем самым поставила рынок на уровень непреодолимой силы или прямо на уровень самого Бога. Экономическая наука, которая будет работать с понятием безопасности, необходимо должна прийти к иным выводам и снять рынок с пьедестала его неприкасаемости, автономии и абсолютного иммунитета. К понятию безопасность необходимо присоединить также понятие справедливость, как еще одну из основных антропологических констант. В этом месте экономическая наука встречается с юридической наукой, переплетается с ней и создает единое и неделимое целое. Так же, как нельзя отделить экономию и ее применение на практике от требования и естественной человеческой потребности безопасности, так нельзя отделить право и его применение на практике от требования и естественной человеческой потребности справедливости. Роль справедливости в экономике довольно значительна, так как

экономика в большой степени зиждется на смене. Естественным требованием человеческого индивида к смене и, прежде всего к той, в которой он сам принимает участие, является то, чтобы она была справедливой. Это требование имеет на экономику намного большее влияние, чем экономическая теория способна признать. Так же как и требование безопасности, оно является важным соавтором доверия как естественной основы, в частности, более сложных экономических процессов. Экономическая наука такие слова как безопасность, справедливость, доверие и удовлетворенность слишком часто преднамеренно игнорирует, чтобы не потерять свою, прокламируемую ею собой, научную чистоту. При этом ей совсем не мешает то, что впоследствии слишком часто дает осечку, поскольку, в частности в кризисных ситуациях, ей недостает не только ответов, но она не умеет также задавать хороших вопросов, так как не говорит на языке тех, которые находятся в среде реальной экономики.

Действительность, однако, такова, что если говорить о какой-то автономии по отношению к экономике, то лишь о значительной тенденции экономических систем к саморегулированию, но только в рамках правил, которые вносятся в экономику извне. Речь идет, скорее всего, о самоуправлении. Это общественный, политический, а затем и законодательный процесс, который вносит в условия свободного рынка правила, а вместе с ними также всю систему ограничений и иммунитетов. Ключевым правилом и своего вида иммунитетом, который делает возможным существование прошлой, настоящей и будущей корпоративной системы экономики является институт ограниченной ответственности и поручительства. Именно этот институт ограниченного поручительства, является тем, что вносит в экономическую жизнь целый ряд асимметрий и неуверенности. В экономику он внес в своем сугубо экстремальном виде отрасль инвестиционного банковского дела, развал которой привел к Великому кризису 30-х годов, а после отмены ее строгой регуляции в конце 90-х годов принес в течение десяти лет самый большой финансовый кризис в истории. Инвестиционное банковское дело имеет на своей совести абсолютное смятение в восприятии действительных ценностей, важных для хозяйственной жизни. Парадоксально, что именно правила, которые ограничивают автономное саморегулирование рынка и экономики вообще, но делают возможным их собственное существование, являются также внесенными, и если эти правила являются адекватными, то они усиливают указанные тенденции к повышению их стабильности и саморегулирования. Но если они являются некачественными, то вся экономическая система очень быстро дестабилизируется, так же, как это было в недалеком прошлом в случае детальных правил, данных государственным планом при одновременном властном исключении частной собственности. Экономия, поэтому, должна быть необходимо также наукой о правилах, она не может отказаться от их исследования и оставить их полностью во владении юридической науки. Таким образом, мышление в правилах и их системах, а не постоянное творчество экономических моделей и опробование гипотез, это именно то, что должно было бы характеризовать экономическую науку в будущем.

Уходящая экономическая парадигма отличается также обособлением и большой автономией таких сред как родной дом и место работы, строгим отделением рабочего и свободного времени, работы и отдыха. С экономической точки зрения эта парадигма, следовательно, характеризовалась отделением домашних хозяйств и предприятий. Эти самодостаточные и автономные среды были одновременно самодостаточными автономными жизненными и ценностными сферами. Так произошло практическое отделение экономики и морали, а тем самым было создано пространство для их взаимного обмена. Это принесло нам экономику и жизнь без морали, а также мораль, оторванную от жизни и экономики. Их взаимообмен принес затем большую путаницу и распад ценностей, без которых не может функционировать ни общество, ни экономика старого «фордовского» типа, покоящаяся на кооперации в производстве. Большим группам людей это принесло утрату ощущения непосредственной связи между систематической работой и уровнем жизни. Работа и образование перестали, таким образом, восприниматься как стоимости, важные для удовлетворения жизнью.

Итак, современная «твердая» парадигма была и остается не только экономической, но в самом широком смысле слова также общественной парадигмой, а ее начало можно искать в идеях эпохи просвещения. Современная «жидкая» парадигма, иногда называемая постмодернистская, не является в своем следствии ничем иным, чем последовательным применением современной парадигмы к себе самой. В этот момент представление о победоносном строе и о поисках его сущности начинает ломаться и на смену ему приходит намного более открытая система. Такого подхода не избежит ни экономика, ни наука о ней – экономия. В сущности, речь идет о соблюдении массивного процесса индивидуализации общества, который имеет целый ряд явных следствий. Размышления о «справедливом обществе» быстро приходят на смену размышлениям о «человеческих правах». Вместе с ростом способности индивида бороться за свои индивидуальные права уменьшается способность общественных институтов заботиться об индивиде и его интересах. К тем следствиям, которые имеют наибольшее влияние на экономику и ее вид, относится, прежде всего, ключевая роль потребителя в экономических процессах, в которых он заменил производителя главным образом потому, что именно потребление является индивидуальной деятельностью в отличие от производства, которое требует кооперации. Последняя требует также объединения пространства и времени, которое в новой парадигме полностью отделено. Старая корпорация фордовского типа является пространственно-временной, связанной с местом и требующей времени. Новая постфордовская корпорация требует уже только мгновения, чтобы показать себя, чтобы сверкнуть, собрать прибыль и возникнуть почти в то же время в ином месте. В противовес к фабрикам, преобразованным в гигантские машины, все больше начинают появляться и внедряться новые типы организации. Они предприимчивы, бесстыдно эклектичны, нелинейные, а иногда даже нелепо нелогичны. В организациях начинают отходить от константности, консистенции и преемственности. Приходит перформативность, субъективность, игривость и непосредственность. Говорят и пишут о «experience economy». Речь идет уже не только о том, как продать впечатление, теперь речь идет также о том, чтобы и работа как

интегральная составная часть жизни, была впечатлением хотя бы для избранных. Индивидуализация, естественно, предъявляет большие требования к индивиду и к его ответственности за собственную судьбу. В рамках отрицания социального государства на него прямо производится давление, чтобы он отвечал за себя, а тем самым за свою безопасность. Несомненно, человеческий индивидуум одновременно является, краеугольным камнем экономики, связывающим очень прочно также остальные среды, к которым он своей идентичностью естественно относится. Следовательно, Homo economicus спустя столетия снова объединяется с Homo sapiens, с Homo cultus и не в последнюю очередь с Homo politicus. Экономия в дальнейшем не обойдется без исследований среды экономической рациональности, однако она не менее тщательно должна будет исследовать среды неэкономической рациональности, неэкономической иррациональности и не в последнюю очередь также экономической иррациональности.

С самого начала важно ответить на вопрос, в какую из многих описанных в специальной литературе систем экономических категорий можно в случае необходимости включить понятие «безопасность». В общем, всегда верно то, что экономия является наукой, которая занимается поведением людей и корпораций в условиях, когда актуально имеющихся в распоряжении источников не хватает для удовлетворения всех актуальных потребностей. Безопасность – это интегральное свойство поведения людей и является также естественной составной частью их потребностей. Если рассмотреть отдельные системы экономических категорий в соответствии с отдельными экономическими школами и их авторами, то можно прийти к заключению, что все они каким-то образом выражают содержания понятий источники, блага, потребности, принятие решений и эффективность. Безопасность хотя и является естественной составной частью содержания общих понятий потребность, принятие решений и эффективность, но одновременно она является важным благом, а в определенном смысле также источником. Но если посмотреть на то, как в экономической науке эти понятия и категории определяются, то в них понятие безопасности отсутствует. Парадоксальным при этом является то, что именно понятие «безопасность» может снова направить экономическую науку на основные процессы, от которых прямо зависит ее предмет, то есть на хозяйственную деятельность. Понятие безопасности может экономическую науку связать с ее предметом на качественно новом уровне. Необходимо принять во внимание тот факт, что в то время как основной задачей хозяйственной деятельности было, есть и остается удовлетворение основных потребностей, экономия как наука все больше ориентируется на создание и аккумуляцию богатства и теряет из виду свою основную миссию. Она превратилась в науку об экономическом росте и лицом к лицу экономическому упадку является абсолютно бессильной. Поэтому очень важно дополнить понятия источники, блага, потребности, принятие решений и эффективность понятием «безопасность», которое одновременно создаст естественную пару с понятием эффективность, подобно тому, как эти пары образуют источники и блага или потребности и принятие решений.

Экономическая наука, если она действительно хочет называться наукой, а не свободным искусством, должна осознавать то, что должна быть свободна от догматичности может быть в еще большей степени, чем другие науки. Экономическая наука несет в настоящее время огромную общественную ответственность, которую можно сравнить может быть только с ответственностью христианских церквей в эпоху кульминации средневековья. Наука превратилась в современную веру, а экономия имеет, вероятно, наибольшее влияние на жизнь общества, корпораций и индивидов, а также на принятие ими решений. Экономика как система и хозяйственная деятельность, а также как ее комплексный предмет, имеет в настоящее время, может быть как единственная целенаправленная и плановая человеческая активность, потенциал уничтожения всей человеческой деятельности, человеческой культуры и цивилизации. Тем самым она может серьезно угрожать также остальным, прежде всего, природным системам, которые несут большинство расходов на результаты, достигаемые современной экономической деятельностью. Экономия как наука, однако, все больше двигается по направлению к сциентизму и опраизму. Она постоянно издает бодрящие самое себя пророчества, объявляет себя мерой всего, в том числе и самой себя. При этом постоянно настаивает на неприкасаемости рынка, прибыли и веры людей в их господство.

Автономия экономики как предмета экономической науки, а вместе с ней и автономия самой экономии основывается на парадигме саморегулирующих способностей рынка. Эта парадигма поддерживается, несмотря на ее явную недостаточность в обоих больших экономических кризисах в 1929 и 2009 гг., так же, как в ряде иных примеров, когда иллюзия саморегулирующей автономии рынка растаяла, а все усилия ее неолиберальных реставраторов можно назвать со спокойной совестью демагогией. Именно безопасность – это то, что в определенном смысле отменяет автономию экономики относительно иной активности человека и одновременно связывает экономическую рациональность с рациональностью культуры или цивилизации. Безопасность является, собственно, естественной мерой вещей в ситуации, когда постепенно, но весьма динамично распадается экономическая парадигма нашего времени, которая завершилась менеджерской революцией, характеризующейся процветанием менеджеров от использования собственной власти и ее постепенным накоплением. Менеджеры постепенно завладели хозяйственными процессами на всех уровнях и отчетливо настроили эти процессы, и прежде всего их оценку, в свою пользу. Тем самым они, собственно, экономику развалили, так как хозяйственные процессы не могут покоиться на моментальной эффективности, выраженной мерой прибыли.

Первым шагом к введению понятия безопасность в экономические категории должна стать попытка о его определение в контексте экономической науки, зиждущейся на понятиях источники, блага, потребности, принятие решений, эффективность. **Безопасность в этом контексте является понятием, обозначающим свойство конкретной среды, его части или элемента (личности, явления, процесса или вещи), которое выражает меру его (их) способности не наносить вреда своей среде,**

включая самих себя. Среду обозначим поврежденной в том случае, если уже нет возможности дальнейшего существования какой-либо ее части, либо если ограничена или лишена возможности ее нынешняя деятельность или действия. Мера способности части среды не повреждать свою среду находится на шкале где-то между состояниями безопасности и опасности. Безопасность в экономике как в среде хозяйственной практики есть, таким образом, мерой того, как эта практика является способной воспрепятствовать не только прямому экономическому вреду, но также долгому ряду внешних явлений, расходы на которые несут иные среды и их составные части. В первом ряду внешних явлений стоят так наз. рыночные пузыри, которые в свой сущности являются ничем иным, как чрезмерным накоплением определенных материальных и нематериальных благ и финансовых средств. Категория безопасности в экономической науке в этом случае является понятием, без которого нельзя обойтись при выражении действительной производительности хозяйственной практики.

Безопасность в указанном выше контексте свойств среды одновременно является также тесно связанной с самим процессом обеспечения безопасности. Основные инструменты этого процесса – это познание среды, коммуникация и кооперация между отдельными актерами в среде, то есть с носителями изменений (индивидуумами, организациями и социальными группами), и регулярное приспособление функционирования институтов. Безопасность – это желаемое состояние, на основе которого предполагается выживание хозяйственных субъектов и их предсказуемое функционирование. Предвидение, разработка гипотез и исходящая из этого степень предсказуемости поведения системы исходит из данного состояния научного, практического и идеологического познания. Необходимо подчеркнуть, что качество продукта, в этом случае состояния безопасности или надежности прямо зависит от качества процесса, который ведет к этому состоянию. Одно без другого не имеет смысла.

Тем основным, что помогает увеличению безопасности системы, являются правила, по которым система управляется, которые ей даны в момент ее возникновения и которые постепенно оформляются в ходе ее существования. Создание этих правил всегда находится вне данной системы. Они вкладываются в нее подобно вкладыванию программ в компьютер. Существуют частные процедуры, которые могут появляться внутри данной системы, но они всегда должны быть подчинены основной системе правил, приходящих вне ее. То, что делает экономику общественной наукой, – это именно поиск подходящей методики создания таких правил.

Понятие безопасности в таком контексте тесно связано с состоянием и одновременно с процессом, который известен как адаптация. Итак, можно сказать, что понятие «безопасность» является отражением активной адаптации части среды по отношению к своим собственным частям, к той части среды, составной частью которой она является, и к остальным ее частям. В общем можно говорить также о гармонизации среды.

Экономия относится к общественным наукам и сама она считает себя таковой. Стремления преодолеть барьеры между естественными и общественными науками, так же как их ненужное создание и подчеркивание, являются скорее результатом естественной человеческой одержимости к классификации, включению и наименованию вещей и явлений, чем улучшению качества самого познания. Однако, тот факт, что мы что-то поняли и вложили в соответствующий ящик, снабженный каким-то наименованием, совсем еще не означает, что мы что-то познали и знаем, чего от него можем ожидать и, в частности, как оно будет вести себя во взаимодействии с иными познанными и непознанными элементами реальности. В общественных науках невозможно исследовать комплексную реальность посредством развития изолированных однофакторных или многофакторных причинных моделей, подобно тому так как это в значительной степени оправдало себя, прежде всего в технических науках. Даже самое сложное техническое творение является очень простым по сравнению с самым обычным элементом общества, которым является человек. Стремление к сведению человека к «homo economicus» как причинно, рационально, предсказуемо, оптимально, и даже механически действующего участника хозяйственных процессов абсолютно не оправдало себя в самой простой проверке хозяйственной практикой. Тем не менее, и в области технических наук сегодня все сильнее раздаются голоса о том, что существующее исследование изолированных, хотя и многофакторных моделей недостаточно для исследования всей комплексности реальности. Оно открывает только одну ее сторону, так наз. «simplicity» - упрощенность. Именно взаимовлияние упрощенных моделей, то есть «complicity» - соучастие, является той пока почти неизвестной областью, которая создает комплексность. Область математики, которая бы смогла эти отношения постичь в достаточной степени, постепенно только создается, но понимание этой проблемы дано лишь нескольким избранным, причем для практического применения, то есть для решения даже очень простых задач в области complicity, необходимо иметь самые производительные компьютеры. Экономическая жизнь прямо стоит на очень сложных complicity.

Экономическая наука не может идти по пути математизации, так как ее сведения должны служить, прежде всего, потребностям хозяйственной практики. Экономическая наука может и даже должна, естественно, жить также в математических лабораториях, но там она служит скорее всего источником для формулирования математических словесных прикладных задач. Прежде чем результаты сложных математических экономических моделей будут применены на практике, реальность будет уже совсем иной. Подобным образом может случиться то, что какая-то модель опередит свою реальность и будет пылиться на полке, чтобы затем снова быть открытой практикой как псевдо-доказательство того, что данное развитие среды кто-то предсказывал. При обратном поиске в портфеле научных гипотез почти всегда можно натолкнуться на какую-то из этих моделей, которая более-менее отвечает данной реальности. Защита науки этим регрессивным методом, однако, смешна критически мыслящим людям и

припоминает постоянно повторяющиеся возвраты анализ и защит древних пророчеств, таких как было Предсказание Нострадамуса. Поэтому при применении результатов общественных наук ключевой отправной точкой является предположение о том, что общественные науки неспособны ни однозначно предсказать будущее развитие, ни определить все его возможные будущие сценарии. К экономии, которая, в частности в англосаксонской практике, буквально одержима прогнозами и таким образом припоминает скорее руководство по пророчеству, чем серьезную науку, это относится вдвойне. Достаточно задать простой вопрос, сколько известных экономов и научных коллективов англосаксонского мира, включая специалистов секретных служб, сумело предсказать современный экономический кризис? Если сегодня нам не изменяет память, ответ звучит – никто. Однако сегодня уже начинают появляться первые специалисты, которые знали это уже давно, которые превращаются в новые звезды экономической науки и получают Нобелевские премии. Через несколько лет не сможет выступить перед общественностью никто, кто бы в своей автобиографии не указал, что предсказывал большую экономическую депрессию начала XXI столетия. Сомнительный научный престиж салонной экономической науки будет спасен, но хозяйственной практике это несколько не поможет. Причиной того, что появилось так мало тех, которые предсказывали наступление кризиса, является кроме всего прочего то, что экономическая наука служит хозяйственной практике и ее властвующей верхушке, то есть конкретному преобладающему типу процессов экономического воспроизводства и представителям их надстройки. Доходы ученых экономов зависят от их работодателей, которые ожидают от них, что они обоснуют и защитят практику, которая им приносит актуальную прибыль. И наоборот, экономы, разрабатывающие теории, которые не подходят тем, у которых есть деньги, оказываются в научной, медиальной, социальной и т.д. изоляции. Таким образом, актуально господствующий конкретно-исторический способ экономического воспроизводства значительно лимитирует качество познания в экономической науке.

Наука как целое является своего рода стремлением человека познать самого себя и окружающую его реальность, то есть его среду. Научные методы, формулирование гипотез, их проверка наблюдением, экспериментами и не в последнюю очередь попытками внедрения их на практике являются инструментарием человека в его стремлении познать среду. Важным условием этого является то, чтобы этот инструментарий был сам по себе рациональным. Человек в этих рациональных и научных инструментах нуждается, прежде всего, потому, что в процессе эволюции был настроен так, чтобы решал, прежде всего, вопросы собственной социальной адаптации. Знание и использование сложной сети социальных отношений является условием успешного выживания, хотя методы, которые зиждутся на рациональных или даже научных основаниях находятся в меньшинстве. В общем, человек является весьма успешным в вопросах решения задач, которые формулируются как истории о социальном контракте и угрозе его нарушения. Если предложить тому же человеку такую же задачу в виде общего логического расчета без социальной истории, успешность решения драматически падает.

Следующее весьма выразительное ограничение человеческой способности воспринимать реальность таковой, каковой она является в действительности, это тот факт, что человек – это существо безнадежно религиозное. Безотносительно к вере, неверию или атеизму мы глубоко убеждены, что наш мир, наша среда к нам небезразличны, прислушиваются к нам, упрекают нас и наказывают нас за наши проступки, хвалят и награждают нас за добрые дела и вообще самым различным образом на наше поведение реагируют. Все это потому, что мы проецируем свой опыт, происшедший из общественных связей, далеко за пределы общества на иные области реальности (включая экономические, физические, биологические и иные связи). Мы очень разочаровываемся, когда узнаем, что это не срабатывает, и постоянно ищем причинно-следственные связи между нашим действиями и происходящим во всей нашей природной и социальной среде. Классическим примером подобного мышления является наука, касающаяся глобального потепления, или серьезное исследование влияния человека на вулканическую активность в связи с извержением исландской сопки, а также в не последнюю очередь вера большой группы людей в то, что извержение сопки является наказанием за человеческую надменность по отношению к природе. Наименее приемлемым сообщением науки для человека и одним из ключевых посланий рационального научного подхода к исследованию нашей среды есть факт, что наша среда в большинстве случаев к нам равнодушна, что миром не владеет ни Бог, ни Великий Конструктор, что Эволюция никуда не направлена и что жизнь не имеет никакого Смысла. Это открытие неприятно даже для самих ученых и, может быть, именно потому так много из них после окончания рабочего дня являются верующими.

Если согласиться с тезисом, что наука является своего вида инструментом познания, то экономическую науку можно представить как оптический инструмент, дающий динамическую и неискаженную картину определенного сегмента нашей социальной среды, который мы называем хозяйством или экономикой. Вопрос будет звучать так: относится ли наука к этому сегменту среды как основное содержание понятия безопасность и достаточно ли понятие безопасности содержится уже в самой конструкции этого оптического инструмента, то есть экономической науки как таковой. Не в последнюю очередь надо задать вопрос о том, достаточно ли сам человек как ученый-наблюдатель или хозяйственник-актер оснащен для безопасной оценки информации, которую ему предоставляет инструмент, то есть в какой степени человек способен воспроизводить рациональные рассуждения.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, касается того, что, собственно, мы можем из нашей среды воспринимать, наблюдать и оценивать. Ответ звучит, что человек по существу оснащен к восприятию изменений своей среды и только их посредством способен сравнительно сложно и затруднительно сконструировать описание какого-то состояния среды, но, опять же, только в определенном отрезке времени, так как наша среда постоянно изменяется. В особенности это относится к

социальной и экономической средам, которые изменяются намного более динамично, чем культурная или даже природная среда. Постоянное изменение среды (эконоосферы) – это то, что нужно в экономической науке принять, не быть фрустрирован экономическими изменениями и постоянно стремиться как-то зафиксировать среду модельным образом. Это в следующем отрезке времени нереальное состояние обозначить как стабильную экономическую среду, а те явления, которые ему не соответствуют – кризисами, конъюнктурами, нежелательными внешними воздействиями или иными чрезвычайными событиями. **Наш мир, наша среда для нас как наблюдателей является пространством (сказано математически – фазовым пространством Пуанкаре) своих собственных изменений.** Это находится в полном соответствии с реальностью, но оно, все же, несколько непостоянно, туманно и, казалось бы, неуловимо. Однако как человеческие существа мы не можем воспринимать практически ничего иного, чем изменения своей среды, причем нужно упомянуть тот факт, что изменение как таковое можно достаточно хорошо описать не только понятиями из элементарной кибернетики и теории систем, но прежде всего основными понятиями и квантификаторами общего языка. Более того, когда мы осознаем тот факт, что мы очень близки к взгляду, который достаточно независим от конкретного явления, предмета или вещи, то это определенно стоит попробовать. **Таким образом, среду мы, в общем, будем определять как пространство ее изменений,** которые имеют следующие атрибуты с тождественными свойствами.

Каждое изменение характеризуется своим носителем (координатором G), своим способом осуществления (модем M) и, наконец, степенью вероятности этого изменения, то есть степенью своей потенциальности (P). Каждая такая характеристика G , M и P имеет восемь различных качеств согласно комбинациям свойств, которыми являются:

- *во-первых, её внешнее или внутреннее положение (E, I) по отношению к какому-либо исходному образованию (в нашем случае организации)*
- *во-вторых, степень ее активности или пассивности (A, P)*
- *и, наконец, в-третьих, известность, явность или же, наоборот, неизвестность и скрытость (Z, N)*

Эти пары свойств являются всеобщими и появляются в нашем мире в своих полярных положениях и шкалах по отношению к какой-либо вещи или процессу.

Эти «восьмерки» / $EAZ, EAN, EPZ, EPN, IAZ, IAN, IPZ, IPN$ / имеют для характеристик G , M и P то же значение. В итоге это означает, что в наличии имеется 8^3 , то есть 512 различных возможных изменений, которые образуют трехмерное пространство с координатами G , M и P . Назовем это пространство и в том числе среду организации пространством изменчивости или пространством изменений. С точки зрения математической теории, учитывая то, что изменения должны иметь свою динамику, можно констатировать, что было образовано фазовое пространство Пуанкаре.

Естественно, можно создать фазовое пространство изменений с такой классификацией, что возможных вероятных изменений будет считанное множество. Однако такое фазовое пространство имеет своё место скорее в теоретических расчётах и моделях, чем в повседневной практике жизнедеятельности организации, для которой было бы необходимо соответствующим образом упростить работу с пространством, которое подвергается 512 изменениям. Для основной практики вполне достаточно работы с каталогом или каталогами с восемью различными видами изменений.

Второй вопрос, на который нужно ответить, касается категоризации изменения их классификации согласно определенным критериям. Первая категория является основной согласно критерию наблюдаемости, который ни в коем случае нельзя не учитывать. Это разделение на изменения, которые мы при помощи данного доступного инструментария способны, с одной стороны, воспринимать, наблюдать и оценивать, и на изменения, у которых мы неспособны это сделать, причем даже непрямо, хотя с другой стороны, из поведения субъектов мы можем судить о каких-то изменениях. Наше познание неполно и никогда полным быть не может. Всегда будут существовать явления, которые останутся скрытыми для нас, а при определенном методе наблюдения, который сам по себе необходимо ограничен, это является действительным вдвойне. Изменения, которые мы можем посредством соответствующего метода наблюдения воспринимать, можно разделить на три группы. Во-первых, это изменения, которые вызваны субъектом наблюдения, и изменения, которые свою причину имеют вне субъекта наблюдения. Во-вторых, это изменения, которые имеют последствия для субъекта наблюдения, и изменения, которые его не касаются. И в-третьих, это изменения, которые имеют отрицательную обратную связь и после воздействия которых наблюдаемый объект проявляет тенденцию к возвращению к равновесному состоянию (гомеостатические), и изменения, которые имеют положительную обратную связь (лавинообразные) и вызывают постоянный, зачастую динамический рост неравновесия наблюдаемого объекта.

Среда, изменения которой мы будем посредством экономии изучать, должна быть с максимально возможной точностью определена так, чтобы минимизировался риск искажения результатов наблюдения и вытекающих из него описаний и правил, которые будут для каждого уровня среды иными. Хотя возможное существование универсальных принципов исключить нельзя, они будут скорее исключительными и для использования на практике чересчур общими. Не остается ничего другого, как предложить возможную структуру среды.

Если принять тезис об определенных постоянно присутствующих свойствах среды (пространственно-временных, энергетических и информационных), то можно констатировать, что существует модель организации (К-го) класса, которая состоит из «кубика», образованного осями с полюсами явность(Z)-скрытость(N), активность(A)-пассивность(P) и внутренняя(I)-внешняя(E), то каждый из ее

октантов (EAZ, EAN, EPZ, EPN, IAZ, IAN, IPZ, IPN) является средой (K-1-го) класса, а каждый из ее октантов является опять средой (K-2-го) класса и т.д. и т.д. С другой стороны верно то, что среда K-го класса является как раз одним октантом среды (K+1-го) класса и у нее должны существовать еще семь октантов, которые ее образуют. Вся эта среда (K+1-го) класса является также подобным образом всего лишь одним октантом среды (K+2-го) класса и т.д. и т.д. Структурированная таким образом среда ведет к явлению, весьма родственному тому, которое известно как «себеподобие», в результате которого образование может называться в соответствии с теорией Б. Б. Мандеброта «фракталом».

Подобная структура среды прямо связана с логическими типами, которые ввел в логику, науку и структурированное изложение посредством языка вообще Бертран Рассел. Именно замена логических типов ведет к целому ряду парадоксов, из которых некоторые стали легендарными. Ясная структура среды препятствует, таким образом, в значительной степени замене логических типов, а тем самым также неточностям в описании, которые могут вести к абсолютно ошибочным, парадоксальным и абсурдным, хотя и логически точным, выводам.

Наблюдение изменений на микроскопическом уровне этой структуры позволит нам проникнуть в элементарные отношения в экономике, а на ее макроскопическом уровне – исследовать отношения, приближающиеся к глобальным. Для определения предмета наблюдения экономии будет важно попытаться по возможности отчетливо ограничить этот интервал. После достижения макроскопического уровня следует шаг, который нам позволит наблюдать за экономикой или эконосферой как целым извне, как за определенным черным ящиком, который поглощает входы в виде источников, каковыми являются источники природы, капитал (деньги) и человеческие ресурсы, а выдает как актуально полезные выходы в виде благ, услуг и профессий, так и бесполезные выходы в виде всяческих отбросов, к которым, к сожалению, относится, например, и безработица. Можно заметить также довольно особое явление, которое также вносит проблемы в современную структуру экономических категорий, которым является все более быстрое стирание границ между источниками, благами и отбросами, когда все больше источников превращается в блага, а все больше благ превращаются в источники. Подобным образом это происходит между отбросами и благами и между отбросами и источниками. Это вносит проблемы также отношение между благами и источниками, которое является основным краеугольным камнем категории эффективности. С этой точки зрения при взгляде на экономику «извне» нам вырисовывается еще одна картина, которую мы можем видеть и которая, является ничем иным, как картиной энергии хаоса, связанной причинностью к самодвижению обратной связи. Экономика имеет мощную тенденцию к саморегулированию, однако, при соблюдении правил, внесенных в нее властным вмешательством извне. Если это будут адекватные правила, дающие системе достаточно пространства для использования энергии хаоса, предоставляющие возможность образования качественных казуальных цепочек и обеспечивающих достаточно движение обратной связи, то нет необходимости в такую систему вмешиваться насильем и стремиться

вдавливать ее в заранее данные формы. Достаточно лишь слегка регулировать, направлять, а может быть, также осторожно предлагать новые источники. Открытым остается вопрос, где находятся те места, в которых наше регулирование имеет самое большое желаемое действие. Единственное, что мы можем отметить, это то, что каждый раз оно находится в другом месте. Попытаться сказать больше – это нелегкая задача экономической науки.

То, что мы можем сказать уже сегодня, это то, что существует отношение между ростом эконоферы как целого и ее частей и интенсивностью потребления источников, необходимых для этого роста. Верно то, что определенная интенсивность этого роста во времени должна сопровождаться меньшей интенсивностью роста интенсивности потребления источников. Подобно можно сказать также, что в определенной степени большие комплексы будут для своего роста нуждаться в более низкой интенсивности потребления источников, чем меньшие комплексы. Если это правило нарушается, возникает состояние угрозы. Это правило является одной из естественных констант, которые имеют ключевое влияние на структуру и определение размеров живых организмов и их сообществ. Для нашего поиска эффективных и при этом безопасных регуляционных вмешательств из этого следует то, что большим частям среды эконоферы, большим корпорациям и организациям необходимо намного меньше интервенционных вмешательств, чем меньшим, что они выдержат большую нагрузку и при правильной установке начальных правил показывают большую тенденцию к стабильности при одновременном собственном динамическом движении. Эту простую истину подтвердит каждый работник аквариума, но из экономов – только некоторые.

Несмотря на общеизвестное присутствие человеческого фактора в черном ящике, взгляд на экономику «извне» - это единственный случай, когда мы можем исключить человека и его поведение из предмета экономии, не повлияв каким-либо образом на единственное наблюдаемое на этом уровне изменение экономики как целого, каковым является ее интегрально растущая сложность, неоднородность и многочисленность элементов в зависимости от источников и времени. Это изменение имеет характер долговременной тенденции с начала человеческой цивилизации и является своего рода исторической закономерностью развития экономики. Эта долговременная тенденция роста комплексности и объема эконоферы сопровождается целым рядом драматических возражений, которые являются ничем иным, как накоплением выходов одного типа (мыльный пузырь), и не менее драматических спадов, которые на практике являются кризисами перепроизводства. В некоторые периоды действительная кривая, улавливающая выходы у одних больше, у других меньше, является изменчивой. Где-то происходит расширение в зависимости только от времени при постоянных источниках, в иные периоды в объеме и комплексности выходов экономики участвует количественный рост и качественные изменения использованных источников. Однако такую тенденцию нельзя предполагать при наблюдении только части эконоферы, так как при частичном наблюдении мы можем быть свидетелями долговременного роста так же, как долговременных падений и исчезновений.

Картина общего роста комплексности и объема экономики дает на основе имеющегося опыта сравнительно отчетливые правила для оценки формы результирующей кривой. Во-первых, она не должна была бы произвольно прогрессивно расти, а во-вторых – должна быть по возможности скорее менее чем более волатильной (изменчивой). Важно помнить, что экономика как каждая система лимитирована по времени и закономерно направляется к точке, в которой достигнет такого роста, что последующий затем кризис вызовет резкое снижение ее объема и комплексности, а это может иметь ключевое влияние на самое существование общества. Потому в высшей степени желательно, чтобы такого состояния было достигнуто как можно позже, несмотря на то, что его, вероятно, нельзя избежать. Поиск механизмов, которые бы позволили удерживать ход кривой комплексности экононосферы, например, в виде изменения экспоненциальной кривой с экспонентом, близким к интервалу между $\frac{3}{4}$ и $\frac{4}{5}$, является большим вызовом для экономической науки и использования безопасности как категории экономической науки самого высокого уровня из всех возможных. Существующее научное познание в области метаболических законов ведет нас к тому, что будет необходимо отслеживать не только входы и выходы «черного ящика» экононосферы, но вместе с ними также и ее внутреннюю структуру, а в ней не только размер и количество экономических субъектов разных качеств, но и качество их связей, где большой вес должны были бы иметь безопасность, справедливость, спокойствие и доверие.

На этом месте важно указать, что мы являемся, в общем, регулярными свидетелями распада систем вследствие непомерного роста комплексности в самой экономической науке. Конъюнктурность экономической науки, которая зачастую дана политическим заказом властвующих элит, генерирует, естественно, все большее количество экономов, которые занимаются «той единственно правильной» теорией, пока не разработают ее до таких подробностей, что вполне закономерно и очевидно она приходит к совершенно ясному противоречию с реальностью. Опровержение теории находится в прямой зависимости от ее подробности и сложности. В этот момент раздается восклицание Андерсена «король голый» и вся теория разваливается. Одновременно явно взволнуется весь сегмент экономики, который уже руководствовался данной теорией. Начинаются большие перестановки и миграции хозяйственных субъектов, которые ищут новую безопасную гавань теоретической надежности, что вызывает раскачивание всего хозяйства, актуальные «вечные истины» которого перестали как бы ни с того ни с сего работать. Кризис, вызванный обвалом экономической теории, таким образом, очень быстро переносится в хозяйственную практику, а из нее расширяется дальше на остальные общественные системы. Это еще один пример того, что рынок неспособен изолировать экономику от остальных общественных систем и в этой своей роли регулярно дает осечку. Это еще одно доказательство необходимости категории безопасности в экономической науке и ее применения в поведении самой науки.

На микроуровне пределом предмета экономической науки является такой уровень среды, на котором нам для наблюдения остаются лишь человеческий индивидуум и изменения человеческого поведения без прямого отношения как к источникам, так и к

благам. Этот предел очень расплывчат и все будет зависеть от договоренности о том, на каком микроуровне речь идет уже не об экономии, а скорее о психологии или иной общественной науке. С другой стороны, некоторые процессы вызывают изменения, в которых человек не принимает прямого участия, например, в автоматизированных производственных процессах, которые, несомненно, относятся к объектам интереса экономической науки. Наблюдение за изменениями на микроуровне, несмотря на свою неоднозначность и сложность, является ключевым местом, где можно отслеживать зачатки будущего развития экономики в данном месте. Отдельные изменения, однако, трудно обобщать и делать из этого далеко идущие выводы. Только более массовое появление конкретного изменения у большего количества сравнительных объектов наблюдения может вести к определенному предвидению будущего поведения, в частности, если это изменение расширяется на другие уровни фрактальной структуры.

В рамках созданной таким образом фрактальной структуры среды экономики или эконоферы можно затем на уровнях этого фрактала среды наблюдать за отдельными организационными уровнями корпорации и для каждой из них искать оптимальные правила поведения. Важно отказаться от представления, что существует единственное универсальное правило или закон, который бы вместил в себе поведение экономических субъектов на всех уровнях. Однако благодаря тождественным структурам элементов на отдельных уровнях (кубиках) среды, которыми являются пространственно-временные (блага), энергетические (источники) и информационные (инфраструктурные) содержания среды, можно вести поиск их общих принципов. Основной принцип заключается в том, что на различных уровнях среды можно в принципе манипулировать именно и только с тремя различными содержаниями.

Среду невозможно на практике воспринимать лишь посредством изменений без того, чтобы оставить в стороне ее актеров, которыми являются физические и юридические лица и отношения между ними. Среду, таким образом, можно также воспринимать как определенное накопление социального капитала. Это накопление распределено в тех частях эконоферы, которые мы называем корпорациями, организациями и институтами. Однако основным источником этого социального капитала остаются отношения между людьми. Для отдельных частей эконоферы как таковой верно то, что они образованы из меньших частей, которые действуют в пользу своего целого, которое, естественно, должно о них заботиться. Организация, в общем, характеризуется, таким образом, внутренним отношением между целым и его частями на всех уровнях и продвижением своих интересов вовне. Основное отличие между организациями и организмами, однако, состоит в том, экономические или общекультурные организации находятся под гораздо более высоким давлением изменяющихся основных правил их существования и по существу являются намного более специализированными и, следовательно, намного менее стабильными, чем биологические организмы. Несмотря на это, в основе всех хозяйственных процессов находится не организация, а организм – человек, который имеет приоритетные интересы, настроенные иначе, чем организация. Его мощный инстинкт самосохранения

и сохранения собственной генетической информации делает из него довольно иррациональный и ненадежный элемент экономики, который экономия стремится длительное время и систематически подавить. Эта борьба является безрезультатной, и индивидуальные интересы продвигаются все более часто и эффективно. Вместе с ними экономическая наука должна впитать в себя также понятие безопасность.

Что касается основного подразделения лиц, принимавших какое-либо участие прямое или косвенное в экономической деятельности, то их можно разделить на *stakeholder'ов* (держателей интересов) и *shareholder'ов* (держателей долей). Экономика в широком смысле слова обусловлена поведением *stakeholder'ов*, несущих ответственность (*corporate responsibility*) за социальное окружение, без которого экономика не могла бы долговременно функционировать. Их действия имеют естественно-консервативный характер. Первой обязанностью ответственного общества является собственное выживание, а этого в открытой экономической системе достигается любой ценой. Одновременно в обязанности выживания скрыто содержится потребность эффективного использования источников и потребность безопасности для потребления благ. Следовательно, необходимо искать практически реализуемое и взвешенное отношение между логикой прибыли и сохранением своей среды. *Shareholder'ы* наоборот являются носителями абстрактного капитала, логикой вещей они освобождены от конкретных социальных, ценностных и исторических контекстов (*social fabric*). У обоих типов этих актеров, таким образом, безопасность определяется иначе. Первые действия с целью сохранить предмет предпринимательства и его социальное окружение, т.е. их активность, основана на традиции и коллективных ценностях, а представление о безопасности означает постоянные отношения между производителями и потребителями, а также в определенной степени уникальность. Вторые фиксируют свои ценности при помощи *капиталов -securities- ценных бумаг* и необозримого ряда их производных для будущей смены вне рамок практической жизни. Им служит институт бирж и капитальных рынков. Речь идет о зримом противоречии, которое является обобщением указанного выше противоречия между собственниками и менеджерами и которое необходимо в интересах установления состояния безопасности в среде постоянно преодолевать.

В процессе установления безопасности обе группы надеются на свое познание, внутригрупповое общение и гарантированные вообще связи (институты), благодаря которым они имеют мнимо или реально обеспеченное воспроизводство в экономической системе. Большой проблемой является традиционный недостаток общения между *stakeholder'ами* и *shareholder'ами*, а также поиск общих интересов. Традицией является скорее конфликт. Оба типа актеров предполагают, что их действия имеют смысл и этому стремятся обеспечить безопасность или скорее отсутствие опасности. Многие актеры экономической жизни предполагают, что имеют привилегированный взгляд на функционирование экономики, некоторые думают, что этот взгляд могут иметь благодаря просвещенным носителям и прозрачности условий познания все люди. Истина такова, что мы сможем предвидеть, скорее всего, только то состояние, которое называем наиболее близким будущим, и в этом смысле верно то,

что хозяйственная жизнь пытается занять в будущем моменте как можно больше пространства в как можно большем количестве вариантов. В процессе познания среды и обеспечения безопасности наблюдатель постоянно структурно связывается со своей внутренней и внешней средой, то есть со своим окружением, с самим собой, и таким образом эту среду создает, а вместе с ней изменяет также самого себя. Он гармонизирует и активно адаптирует свою среду и сам гармонизирован и адаптирован ею. Иными словами, речь идет о создании собственной когнитивной сферы деятельности посредством широкого спектра взаимодействий, которые имеют свое происхождение как в наблюдателе, так и в его окружении, и направлены как в его внутреннюю, так и во внешнюю среду. На практике в этом процессе речь идет о наборе структурных, организационных и информационных мер, которые имеют потенциал высылать в среду организации сигналы и принимать не только их отклики, но также повышать способность воспринимать остальные сигналы, происходящие из среды.

Создатели экономической среды – это предприниматели и политики. Первые являются скорее *shareholder*'ами, вторые – *stakeholder*'ами. Эконом и социолог Парето исходил из того, что поведение индивидуумов дано *комбинацией остатков* (иррациональных внутренних сил вести себя определенным способом). У предпринимателей спекулянтов преобладает остаток комбинационный, они постоянно на шаг впереди, изменяют свое окружение и не страдают психологическим консерватизмом. В определенной степени они представляют *креативную деструкцию* Шумпетера. Против них стоят рентьеры, которые в своем поведении руководствуются остатком постоянности агрегатов, консервирующих существующее состояние. Обе группы лидеров имеют различную оптику безопасности.

Значительной властной группой в экономике, которая имеет исключительный интерес к мере прибыльности экономической деятельности, являются менеджеры. Это потому, что именно размер прибыли имеет решающее значение для размера их вознаграждения. Тем самым они вступают в прямое противоречие с интересами собственников, так как естественным интересом последних является долговременное увеличение или повышение качества их собственности, а не ее опустошение во имя повышения кратковременной прибыли. Менеджеры не являются ни *shareholder*'ами, ни *stakeholder*'ами, хотя и имеют тенденции выступать в этих ролях как бы альтернативно, но главным образом, фальшиво, если это для них выгодно. Их интерес – это соблюдение их цены на рынке рабочей силы и максимизация их доходов на каждом месте. Социальные группы имеют разный размер, внутреннее строение и влияние на экономическую систему. В современных компьютерах беспорядочная толпа отмечается значительно более высокой иррациональностью поведения, чем организованные по интересам группы, владеющие институтом. Мера прозрачности поведения групп является более ограниченной, чем это кажется на первый взгляд. Безопасность – это один из основных принципов их функционирования.

Институты являются совокупностью повторяющегося поведения (обычного) в определенной области с определенной целью. Они заложены на обычае и не уполномочиваются общественным мнением. Их недостаточно применять по закону или

софистицированными регуляционными средствами, они должны восприниматься спонтанно. Их собственная безопасность, т.е. удержание *status quo*, является центральным мотивом их установления. Но в глобальном мире существует опасность, что они останутся артефактом, не выполняющим реально свои функции, так как давно уже отжили и потребность в них равна нулю или даже своей среде и людям они вредят. Безопасность как основная экономическая категория содержит в себе постепенное создание новых структур, заложенных на человеке и образуемых им естественных сообществах, основанных на взаимности – семье, кооперативе, друзьях, а не на институтах, которые человека и его интересы давно уже потеряли из виду.

Если принять тезис о том, что посредством экономической науки мы будем воспринимать, наблюдать и оценивать изменения в нашей экономической среде, будем их определенным образом классифицировать, то мы должны определить также, что такое безопасность в экономической науке и каково ее применение в оценке изменений нашей среды. Кроме того мы должны указать также на возможные следствия.

Одним из основных предположений, так же как следствий введения этой экономической категории, является устранение ВВП и его места как современного основного обобщающего показателя экономической продуктивности. Категория безопасности в экономической науке является, таким образом, одним из краеугольных камней исследования так наз. «post ВВП economy».

При расчетах нашего ВВП принимается во внимание загрязнение воздуха, реклама на табак и спасательная служба, которая выезжает к травмированным людям на автостраду. Мы включаем в него расходы на системы безопасности, которые устанавливаем для охраны своих домов и тюрем, в которые замыкаем тех, кому удалось влезть в наши дома. Мы отмечаем в нем, как уничтожаем леса секвой и как вместо них строим расплзающиеся хаотические города. Его составной частью является также производство напалма, атомного оружия и бронемашин, с помощью которых полиция успокаивает уличные беспорядки. В него включены ... телевизионные программы, которые прославляют насилие только для того, чтобы детям продавались игрушки. С другой стороны ВВП запоминает о здоровье наших детей, о качестве нашего образования или о разнообразии наших игр. Он не измеряет красоту поэзии или прочность браков. Он не оценивает через качество наших политических дискуссий целостность клубов наших депутатов, не замечает нашу храбрость, мудрость и культуру, не высказывается о нашем сострадании и любви к нашей родине. Одним словом ВВП измеряет все, кроме того, из-за чего стоит жить (Роберт Ф. Кеннеди, июль 1968 г.).

По прошествии более 40 лет мы, несомненно, сумели бы выразить более совершенным образом абсурдность, которую скрывает в себе ВВП, как показатель экономической продуктивности, а сегодня также общественной успешности и процветания. Например, РФК даже не подозревал о существовании финансовых дериватов и не мог представить

себе их влияние на показательную способность ВВП. Нельзя не констатировать, что он, к удивлению, все еще таким показателем является. Без сомнения это не потому, что нет возможности выразить действительную продуктивность экономики иным, более совершенным образом. Это будет скорее потому, что этот показатель, как раз благодаря своим способностям совершенно прикрывать реальность, имеет своих влиятельных сторонников. В свете этого факта становится ясно, почему РФК всего через несколько недель после произнесения этих слов был убит. За ВВП, однако, кроме властных интересов и простой манипуляции говорят два объективных факта. Люди имеют прямо болезненное стремление свою выработку измерять и сравнивать. ВВП является, таким образом, результатом в общем приемлемого, однако, очень большого компромисса, который тем сильнее, что его поддерживает также иная генетически данная человеческая одержимость - одержимость ростом. Дело в том, что никакой иной показатель не сможет так совершенно скрывать хозяйственные ошибки, просчеты и вызванный ими экономический и иной вред, и при этом быть так устойчивым к снижению. Достаточно посмотреть на поведение показателя ВВП в рамках активности, связанной с аварией нефтяной платформы BP в Мексиканском заливе и последующей экологической катастрофой. Мы можем быть уверены, что ВВП будет высоко положительным и значительно поможет общему улучшению динамики развития мирового ВВП в этом и последующих годах. Если бы оценивалась продуктивность такой же экономики при использовании категории безопасность, то речь шла бы о глубоком падении. Но прежде всего иным образом рассматривалась бы сама добыча из глубокого шельфа, которая не могла бы быть разрешена без того, чтобы на месте было размещено для пользования оборудование, способное моментально скважину закрыть. Речь идет не о попытке планировать будущее без рисков, а лишь о справедливом требовании того, чтобы процесс, который был запланирован и начат человеком, было возможно этим же человеком остановить. Маленьким детям здесь все понятно, так как они знают общекультурную сказку «Горшочек вари», но у менеджмента BP и американского правительства в этом хаос и через несколько лет они будут вместе хвастаться динамикой ВВП и «импульсом к инновации», вытекающим из «небольшой технической осечки».

Вторым основным показателем, абсолютное предпочтение которого находится в конфликте к введению категории безопасность в экономическую науку, является прибыль. Прибыль сама по себе – это один из ключевых двигателей хозяйственной деятельности, но она не может превратиться в единственный ее смысл. Там, где значение прибыли подавлено, происходит стагнация и демотивация субъектов хозяйственной практики, там, где им отдается предпочтение, где они абсолютизируются, происходит выхолащивание хозяйственной деятельности на обыкновенную гонку за прибылью. Тем самым из хозяйственной практики начинает исчезать менее прибыльная деятельность, которая в рамках разделения труда просто передвигается в иное место или даже исчезает. Это касается не только производственных видов деятельности. Опасным является, в частности, ограничение воспитания собственных специалистов и утеря некоторых знаний, способностей и мастерства. Это угрожает именно безопасности хозяйственных организаций и

корпораций, так как одним из основных критериев безопасности и предпосылок жизнеспособности систем является степень их автономии. Хотя основной составной частью хозяйственной деятельности является обмен, он перестает работать именно в те периоды, когда возникает внешняя или внутренняя угроза. Накопление финансовой прибыли с тем умыслом, что финансовые средства в конечном следствии всегда можно обменять на полезные или даже жизненно важные блага, является стратегией, которая в истории была уже неоднократно опровергнута коллапсом данных обществ. Классическим примером может быть судьба торговых республик или городов-государств (Афины, Венеция, Ганза). Хотя история знает примеры того, что кто-то из своей кризисной ситуации выкупился, почти всегда это были отдельные люди или небольшие группы, напр., простые семьи. Следующей проблемой накопления прибыли за счет полезных благ является то, что неспособность собственного производства делает данную систему склонной к шантажу, что имеет отрицательное влияние на цену поставляемых благ. Верным является скорее то, что накопление прибыли является делом индивидов или узких групп, которые делают это в прямом противоречии с экономическими или общественными интересами более широких групп, организаций или всего общества. Существует весьма интересная и широкая взаимосвязь между накоплением прибыли и сосредоточением власти. Это объективно опасно для каждой системы и это еще один аргумент в пользу того, что при введении категории безопасность в экономическую науку доминирующее воздействие меры финансовой прибыли на экономическое поведение организации должно быть подавлено.

В заключение можно констатировать, что безопасность является основной экономической категорией, и исследование хозяйственных отношений не может без нее обойтись, так же как без нее не может обойтись и хозяйственная практика. Явное введение этой категории в экономическую науку является следствием познания того, что экономика – это не изолированная социальная система, защищаемая автономией авторегулирования рынка, так же как отдельные хозяйственные субъекты не являются изолированными субъектами в рамках самого рынка. Вторым доводом является то, что экономика и ее исследование просто невозможно отделить от человека и его интересов. Эти интересы являются экономическими и неэкономическими, рациональными и иррациональными. Человек – это противоречивое существо с ценностным ощущением, хорошими и плохими намерениями, с чувством справедливости и одновременно со склонном к нечестному поведению. Он зависим от доверия и веры, поддается собственным экономическим иллюзиям и чужим историям. Естественным интересом каждого человека является, однако, жизнь в безопасности и этот интерес – это краеугольный камень его действий. С точки зрения естественной и культурной эволюции речь идет об антропологической константе. Если экономия по своему собственному определению занимается во всех отношениях человеческим индивидуальным или коллективным поведением, то она просто не может игнорировать безопасность, даже если бы она должна была бы сделать небольшие уступки в своей научной гордости, в которой она стремится приблизиться к естественным наукам.

Естественным интересом человека является жизнь в безопасности. Введение понятия безопасность как желаемого состояния, которое ограничивает появление убытка в среде хозяйственного субъекта, одновременно заключает в себе очень простой режим поведения, который способен опять установить такое состояние. Это постоянно обновляемая система принятия stakeholder'ами решений об основных хозяйственных шагах и о создании систем основных и простых правил, по которым хозяйственные системы и отдельные субъекты должны управляться по отношению к своей среде как по направлению вовнутрь, так и вовне. Более того у нас есть также описание ключевых параметров экономической среды и ее частей, которые мы можем считать безопасными. Таким образом, у нас есть описание не только состояния, как необходимого и нужного продукта. Одновременно у нас есть описание источников, необходимых для достижения этого состояния, а также процесса, которым мы способны достичь его в рамках стандартной практики управления. Описаны были также основные следствия введения безопасности как экономической категории. Их общим знаменателем является новый взгляд на то, как воспринимать выработку хозяйственных субъектов и хозяйственных систем, а также новый угол зрения на известное представление о хозяйственной деятельности как интегральной составной части человеческой культуры и эволюции.

Экономике как науке не остается ничего другого, как свернуть с пути, который должен был приблизить ее к естественным наукам, и встать на путь не только своей сущности как общественной науки, но и своего нового призвания – быть наукой о человеке. Экономия, таким образом, внесет решающий вклад в возвращение человека как меры всех вещей в центр мира. Понятие безопасности как экономической категории содержит в себе не только основное правило поведения экономических субъектов, включительно человеческих индивидов, имеющих уважение к собственной среде, то есть и к себе самому. Точно так же оно содержит в себе и их обязанность постоянно свою среду познавать, так как только таким образом можно действительно определить, какое поведение ему безвозвратно вредит.

Хотя неведение не составляет греха, но пребывание в неведении грехом уже есть.